

Фишер Куно

Бекон Веруламский

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
К91

К91 **Куно Ф.**
Бекон Веруламский / Фишер Куно – М.: Книга по Требованию, 2026. – 141 с.

ISBN 978-5-521-28359-0

ISBN 978-5-521-28359-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

FRANCISCVS
BACO

DeVERVLAMIO
Summus Angliæ
CANCELLARIVS.

Recte veritas temporis filia dicitur,
non authoritatis. Nov. orô. 84.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Беконъ Веруламскій, какъ мыслитель и какъ человѣкъ *).

Между научнымъ характеромъ и нравственною дѣятельностію всегда существуетъ нѣкоторое соотвѣтствіе. Несправедливо думать, что характеръ Бекона составляетъ исключеніе изъ закона такой аналогіи. Но съ другой стороны совершенно неправильно было бы нравственные проступки Бекона переносить на его научное направленіе, или изъ научнаго направленія объяснять его нравственную дѣятельность. Это будетъ уже не аналогія, а причинная связь. Такое непосредственное вліяніе научнаго характера на нравственный не можетъ быть допущено уже потому, что нравственный характеръ слагается раньше научнаго и не передъ зеркаломъ науки. Аналогія между научнымъ и нравственнымъ характерами состоитъ не въ подчиненіи одного изъ нихъ другому, но въ томъ, что духъ великаго человѣка направляетъ и научную,

*) Францъ Беконъ родился въ Лондонѣ 22 января 1561 г., и былъ вторымъ сыномъ Николая Бекона, хранителя большой печати въ Англіи. О его жизни см. John Campbell The lives of the Lord Chancellors of England Vol II. Chap. 51. London 1845. Th. B. Macaulay's Essay's; Montagu, Life of Lord Bacon.

и нравственную дѣятельность въ одной цѣли, оставаясь одинъ и тотъ же во всѣхъ своихъ обнаруженіяхъ. Лейбницъ съ своимъ личнымъ характеромъ никогда не могъ быть философомъ въ родѣ Спинозы: равно и Беконъ философомъ въ родѣ Картезія. Научное направленіе, принятое Беконъ, совершенно соотвѣтствовало его личнымъ особенностямъ, потребностямъ и наклонностямъ, и нравственный характеръ его вполне благопріятствовалъ научному направленію.

Несправедливо упрекаютъ Бекона въ честолюбіи и жалѣютъ, что онъ—первоклассный дѣятель на поприщѣ науки—примѣнялъ тихую жизнь ученаго на бурную жизнь государственнаго человѣка. Самъ Беконъ въ старости жалуется на это, какъ на несчастіе, но не какъ на слабость. Это несчастіе было судьбою его и вмѣстѣ судьбою его науки. Не только онъ, но и его наука была слишкомъ честолюбива, слишкомъ стремительна въ дѣятельности, слишкомъ открыта для міра, и потому самому не могла похорониться въ уединеніи. Трудиться для могущества человѣчества—вотъ что Беконъ называлъ однажды высшею степенью честолюбія *). «Талантъ образуется въ тиши, характеръ въ буряхъ свѣта». Пользуясь этимъ выраженіемъ Гете, можно сказать, что родина Беконовой науки не есть среда таланта, но среда характера,—именно жизнь въ большомъ свѣтѣ. Беконъ рано понималъ, что наука, отдѣленная отъ жизни, должна быть скудна и безплодна, что несчастье прежней философіи, которому онъ хотѣлъ помочь, стоитъ въ связи съ тихою жизнію прежнихъ ученыхъ. «Познанія этихъ людей, говоритъ Беконъ, также узки, какъ ихъ кельи, какъ монастыри и монастырскія школы, въ которыхъ они заперлись, не зная ни міра, ни природы, ни современности». Разсуждая такъ, Беконъ необходимо долженъ былъ

*) См. Nor. Organ. 1, 129. См. ниже гл. 3.

замѣнить монастырскую жизнь жизнью въ свѣтѣ. Въмѣсто келлейнаго ученаго явился государственный человѣкъ, который во имя своихъ возвышенныхъ цѣлей и въ наукѣ, и въ жизни стремился къ тому, чтобы имѣть какъ можно больше вліянія. Конечно практическая дѣятельность поглощала много времени, и это время было потеряно для ученыхъ трудовъ. Но неужели поэтому мы имѣемъ право требовать, чтобы Беконъ всецѣло посвятилъ себя отрѣшенной наукѣ? Это значило бы желать, чтобы Беконъ сдѣлался инымъ философомъ, а не такимъ, какимъ былъ въ дѣйствительности; это значитъ ставить ни во что своеобразный духъ Беконовой философіи. Нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что Беконъ трудился и для науки, и для государственной службы. Во имя своей науки Беконъ могъ требовать и дѣйствительно требовалъ отъ ученаго, чтобы онъ позналъ практическую жизнь собственнымъ опытомъ.

Но форма, въ которой проявился гражданскій характеръ Бекона, кажется крайне противорѣчить его научному величію. Часто и со скорбію указываютъ на это противорѣчіе, часто ставятъ Бекона въ примѣръ того, до какой степени могутъ расходиться между собою научное и нравственное направленіе въ одномъ человѣкѣ. Недавно Маколей довелъ это противоположеніе до крайности, такъ что характеръ Бекона представляется не постижимымъ. Мы хотимъ не защищать, не порицать, *но разъяснить* характеръ Бекона; потому мы ищемъ въ немъ внутренней гармоніи, присущей всякому великому характеру. Внимательный психологическій анализъ убѣждаетъ насъ, что противорѣчіе между Беконъ философомъ и Беконъ гражданиномъ вовсе не такъ велико, какъ думаетъ Маколей. Беконъ вовсе не былъ ни парящимъ ангеломъ въ наукѣ, ни пресмыкающеюся змѣею въ жизни, какъ называетъ его Маколей, неудачно цитуя фигуральный обо-

ротъ Бекона. Все нѣтъ ни чистѣйшаго свѣта на одной сторонѣ, ни непроницаемой тьмы на другой, но всюду смѣшеніе свѣта и тьмы. Сравненіе Беконовой философіи съ парящимъ ангеломъ въ особенности неудачно. Напротивъ того, Беконъ хотѣлъ, чтобы философія изъ парящаго духа, созерцающаго все сверху, переродилась въ человѣка, медленнѣйшимъ шагомъ идущаго по трудной стезѣ опыта. Если Беконъ, какъ *гражданинъ*, шелъ тѣмъ же путемъ, если онъ часто и много спотыкался на этой неровной, извилистой, мрачной дорогѣ, то не сталъ же онъ отъ этого пресмыкающеюся змѣю. Не все то змѣя, что пресмыкается. И я думаю, что если кто идетъ по той же жизненной дорогѣ и среди тѣхъ же отношеній, какъ и Беконъ, тому по необходимости придется много пресмыкаться. Я хорошо знаю, что возразитъ мнѣ. Проступки, опозорившіе жизнь Бекона, были не просто человѣческія слабости и заблужденія, но неблагородный образъ мыслей и государственныхъ преступленій. Я вовсе не намѣренъ отрицать, тѣмъ болѣе защищать ихъ; они неопровержимы. Неблагородный образъ мыслей Бекона очевиденъ, преступленія подтверждены его собственнымъ признаніемъ. Они запятнали его доброе имя и я не стану говорить, что, рассуждая о преступленіяхъ Бекона, нужно выражаться умѣреннѣе. Но на мой взглядъ эти отдѣльныя черты не опредѣляютъ вполне характера Беконова. Мнѣ кажется, что характеръ Бекона былъ бы тотъ же самый, если бы, недостойный образъ мыслей не высказывался такъ ясно, если бы не были совершены самыя преступленія. Я могу представить, что Беконъ съ свойственнымъ ему благоразуміемъ оправдался бы отъ уликъ въ преступленіи, и я думалъ бы о немъ, ни на волосъ ни лучше, ни хуже, тѣмъ теперь. Онъ былъ бы тогда благоразумнѣе, но не лучше въ нравственномъ отношеніи.

Мы должны судить о человѣкѣ, не по тому, какъ онъ вы-

сказался въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но по цѣлостному сочетанію нравственныхъ элементовъ его характера. Изъ лежащей въ задаткѣ характера слабости подъ влияніемъ обстоятельствъ легко можетъ образоваться дурной поступокъ, даже преступленіе. Но при одинаковомъ видимомъ безобразіи худыхъ поступковъ, опытный психологъ можетъ находить значительное различіе въ задаткѣ характера. Сдѣлайте опытъ на Беконѣ. Непопади онъ въ запутанныя отношенія съ Эссексомъ и Буккингамомъ, не было бы тѣхъ чертъ, за которыя Маколей унижалъ его нравственную личность; тогда Маколей лучше бы думалъ о Беконѣ. Но несправедливо, потому что природа Бекона осталась бы *таже*. Что привязывало Бекона къ Эссексу и Буккингаму? Не дружба, не сходство въ образѣ мыслей, а житейскіе интересы. Оба они были люди съ вѣсомъ; первый былъ фаворитъ Елисаветы, второй Іакова I. Сначала Бекону пришлось бороться со многими препятствіями: даже его родственники, могучіе Бурлеи, заслоняли ему дорогу и долго держали его въ стесненномъ и зависимомъ положеніи. Если Беконъ не хотѣлъ удовольствоваться скромною и тихою жизнію, которая была ему вовсе не по духу, то, кромѣ своего таланта, онъ долженъ былъ искать иныя вспомогательныхъ средствъ, именно протекцій, а при этомъ естественно приходилось становиться послушнымъ орудіемъ въ рукахъ сильныхъ. Здѣсь Беконъ вступилъ на тотъ опасный и скользкій путь, который довелъ его до верха почестей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и до множества преступленій и наконецъ до гибели. Длинную и крутую дорогу нужно было пройти Бекону отъ бѣднаго адвоката до хранителя большого печати и канцлера королевства англійскаго, отъ неутомимаго искателя милостей до барона Веруламскаго и виконта С. Албанскаго. И ему не тяжело было идти по многообразнымъ извилинамъ своего пути, и по требованію обстоятельствъ жертвовать своею нрав-

ственной самостоятельностью. Природа создала его не изъ грубой матеріи. Онъ былъ въ высшей степени уклончивъ, уступчивъ; правило *temporibus servire* согласовалось съ его природою и съ духомъ его философіи, которая поставила себѣ за правило въ движеніи мышленія сообразоваться съ потребностями вѣка. Вообще Беконъ смотрѣлъ на жизнь не какъ на великую задачу, которая должна быть разрѣшена сообразно съ нравственнымъ закономъ, но какъ на игру, для выигрыша въ которой нужна только быстрая, разсудительная и упорная тактика. По собственному признанію Бекона честолюбіе не заглушало въ немъ всѣхъ нравственныхъ стремленій и его природная честность часто вступала въ разладъ съ его практическимъ благоразуміемъ. Сегодня онъ согласно съ своими убѣжденіями говорилъ въ парламентѣ патріотическую рѣчь *) противъ предложенія субсидій правительству, но эта рѣчь прогнѣвала королеву, — и вслѣдъ за тѣмъ Беконъ дѣластъ все, чтобы смягчить ея гнѣвъ. Сегодня Беконъ всѣми мѣрами старался спасти своего прежняго благодѣтеля, но вотъ онъ узналъ, что рискуетъ потерять милость королевы — и оставилъ безъ помощи друга, расположеніемъ котораго дожилъ только потому, что тотъ былъ любимецъ королевы.

Беконъ прибѣгалъ къ уклончивости всякій разъ, когда замѣчалъ, что приходится идти на неровный бой. Конечно, очень неутѣшительно видѣть, какъ великій человекъ становится въ такое шаткое и ложное положеніе, но и здѣсь мы можемъ примѣчать основную черту Беконова характера; разумѣю *необыкновенную легкость*, съ какою Беконъ могъ обходить всѣ трудныя мѣста на своемъ пути и снѣшить далѣе, какъ будто позади не оставалось никакихъ мрачныхъ слѣдовъ.

*) Эта рѣчь произнесена Бекономъ въ 1593 году въ качествѣ миддлсекскаго депутата.

Эта легкость при перемѣнѣ жизненныхъ отношеній служить въ Беконѣ свидѣтельствомъ неугасимой жизненной силы и бодрости: эта природная эластичность, которая при сопротивленіи всегда представляется *слабостію*. Давидъ Юмъ не безъ основанія находилъ въ характерѣ Бекона ту силу, которую мы называемъ нравственною упругостію. Мы не знаемъ философа, который бы былъ эластичнѣе Бекона; онъ былъ способенъ расширяться до чрезвычайной степени, но у него не было силы сопротивленія. Гонимый гнетущею силою обстоятельствъ, онъ готовъ былъ пролезать въ щелку. Эта эластичность составляетъ ту типическую особенность, въ которой объединялись *все* свойства Бекона, его добродѣтели и его пороки.

Для насъ понятно, что такая сила духа, способная стремиться къ общему, въ тоже время работать надъ частностями, должна была въ области науки принести чрезвычайно много пользы, и создать истинно научное направленіе, восходящее отъ частныхъ къ законамъ цѣлаго. Понятно также, что и въ общественной дѣятельности Беконовъ духъ, многосторонній, способный къ пониманію всякихъ жизненныхъ отношеній совмѣщалъ въ себѣ всѣ таланты, какія нужны для того, чтобы блистать въ обществѣ. Беконъ вполне обладалъ искусствомъ изящно говорить и передъ публикою и въ домашней бесѣдѣ. По свидѣтельству Джонсона, Беконъ былъ такою ораторъ, котораго не уставали слушать. Но также самая сила, которая являлась такъ блистательно въ области науки и общественной жизни, является совсѣмъ въ иномъ видѣ въ области нравственности. Нравственная добродѣтель требуетъ прежде всего крѣпкой, упорной, непоколебимой силы сопротивленія, потому что состоитъ въ непреклонной борьбѣ съ горестями и искушеніями жизни. Этой силы сопротивленія и соединенной съ нею нравственной добродѣтели не было ни въ

природѣ, ни въ жизни Бекона. Жизнь Бекона всегда служила для меня убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ того, какъ справедливо судилъ Лейбницъ, полагая зло изъ недостаткѣ добра, нравственное зло въ нравственной слабости. Беконъ не былъ золь по природѣ. Его нравственное расположеніе было только слишкомъ нетвердо, измѣнчиво и потому легко склонно къ порчѣ, и нечего удивляться, что при нравственной распушности, окружавшей Бекона со всѣхъ сторонъ, его характеръ легко сбивался съ прямого пути и уклонялся въ дурную сторону. Темпераментъ Бекона былъ чуждъ болѣзненной раздражительности. Ему было легко переносить свою судьбу; даже послѣ страшнаго удара, смертельно поразившаго его, Беконъ оправился удивительно скоро, и съ того времени въ добровольномъ уединеніи посвящалъ наукѣ все свои силы. Духъ Бекона былъ подобенъ его темпераменту: онъ былъ недоступенъ для сильныхъ ощущеній, смущающихъ и преобладающихъ душу; ни любовь, ни ненависть не овладѣвали въполнѣ его сердцемъ; любовь Бекона была только холодною склонностію, ненависть—холоднымъ нерасположеніемъ. Доказательства дружбы и привязанности не могли растрогать Бекона, такъ чтобы онъ предался другу всѣмъ сердцемъ, но съ другой стороны ненависть и вражда точно также не могли возмущать его. Бекону легко было изъ—за милости королевы оставить, даже преслѣдовать друга; ему легко было изъ—за золота рѣшиться на бракъ безъ любви. Пылкія страсти были также чужды его духу, какъ ошибочныя понятія, носяція у него имя *идоловъ*, были чужды его разуму. Если бы существовалъ термометръ для измѣренія интенсивной силы человѣческихъ страстей, то мы знали бы, что у Бекона градусъ сердечнаго теплоты почти всегда былъ близокъ къ нулю. Практическія цѣли для Бекона были дороже духовныхъ интересовъ. Гдѣ и тѣ и другіе совпадаютъ, тамъ Беконъ является однимъ изъ дос-